

Преодоление разрыва между Московским Патриархатом и Русской Православной Церковью Заграницей как ложная аналогия в вопросе об украинских раскольниках

Епископ Белгородский Сильвестр, викарий Киевской митрополии, ректор Киевской духовной академии и семинарии

В 2018 г. Константинопольский патриархат принял в свою юрисдикцию Филарета (Денисенко) и Макария (Малетича), а также их последователей. Таким образом, в состав Константинопольской Церкви вошли лица, которые получили рукоположения в расколе. При этом над ними не повторялись хиротонии, а все священные степени, усвоенные ими в расколе, были признаны Константинопольским патриархатом.

Уже в 2019 г. в православном мире развернулась дискуссия о том, насколько это решение Константинопольского патриархата соответствует канонической традиции. В этой дискуссии особое внимание обращалось на исторические прецеденты уврачевания церковных разделений. В частности, сам патриарх Варфоломей в переписке с Блаженнейшим Анастасием, Архиепископом Тиранским и всея Албании, указал на ряд таких прецедентов. Так, в письме от 20 февраля 2019 г. патриарх Варфоломей упомянул о восстановлении канонического общения между Московским Патриархатом и Русской Православной Церковью Заграницей (РПЦЗ) в 2007 г. Патриарх Варфоломей обращал внимание на то, что здесь не было повторения хиротоний над епископами и клириками, рукоположенными в период разрыва церковных отношений. Патриарх Варфоломей писал, что Русская Церковь «простила до того бывших в расколе членов РПЦЗ. Каким образом их приняли в общение, разве через перекрещивание или перерукоположение?»[1]

Подобные отсылки к преодолению разделения между Московским Патриархатом и РПЦЗ являются типичными и для украинских раскольников. Еще в «Обращении Священного Синода и епископата УПЦ КП к архиереям, духовенству и мирянам УПЦ» от 14 декабря 2007 г. содержалось упоминание о восстановлении канонического общения с РПЦЗ. В этом документе восстановление единства между Московским Патриархатом и РПЦЗ рассматривалось как возможная модель для преодоления церковного раскола в Украине[2]. 16 июля 2008 г. в ответе на это обращение Священный Синод Украинской Православной Церкви указывал на некорректность

аналогии между РПЦЗ и УПЦ КП[3]. Тем не менее, как видим, и в 2019 г. патриарх Варфоломей, оправдывая свои решения относительно Филарета (Денисенко), ссылаясь в том числе и на пример РПЦЗ.

Всё это заставляет более пристально посмотреть на ситуацию, сложившуюся во взаимоотношениях между Русской Православной Церковью и теми ее епископами, священниками и мирянами, которые после революционных и военных потрясений 1917-1920 гг. оказались в эмиграции. К настоящему времени эта история уже достаточно хорошо изучена. Существуют основательные труды как приверженцев РПЦЗ, так и её критиков[4].

Не вдаваясь в подробности становления РПЦЗ, все же напомним, что конфликт между РПЦЗ и Московской патриархией развивался в течение 1920-х гг. и достиг своего апогея после того, как 29 июля 1927 г. заместитель Патриаршего местоблюстителя митр. Сергей (Старогородский) издал Декларацию о лояльности советской власти и потребовал от всего зарубежного духовенства подписки о такой же лояльности. РПЦЗ квалифицировало Декларацию как плод давления советской власти и потому считало её для себя необязательной. Понятно, что епископы и священники РПЦЗ отказались дать подписку о лояльности. В результате в том же 1927 г. Зарубежный Архиерейский Собор принял решение о разрыве административных отношений с митр. Сергием, а в 1931 г. было разорвано и молитвенное общение с ним. При этом РПЦЗ полагала, что не разрывает отношений с самой Русской Церковью, продолжая поминать за богослужениями Местоблюстителя Патриаршего престола митр. Петра (Полянского).

Митр. Сергей квалифицировал Архиерейский Синод в Сремских Карловцах как «самочинное собрание» и последовательно требовал его роспуска. В 1934 г. руководимый митр. Сергием Синод запретил в священнослужении восемь архиереев, состоявших в РПЦЗ. При чем мотивировалось это решение каноническими правилами, в которых говорилось о недопустимости самочинного отделения от общения с законным священноначалием. Но РПЦЗ понимала ситуацию принципиально иначе. Зарубежные архиереи не считали митр. Сергия и руководимый им Синод законной высшей церковной властью. Легитимным первоиерархом Русской Церкви РПЦЗ считала только Местоблюстителя Патриаршего престола митр. Петра (Полянского), находившегося в ссылке.

Зарубежный Синод полагал, что в Русской Церкви сохраняются условия, о которых говорилось в постановлении Священного Синода и Высшего Церковного Совета в Москве от 7(20) ноября 1920 г. (№ 362). Это постановление предусматривало, что в случае, если обстоятельства войны или изменение государственных границ приведут к потере связи между высшим церковным управлением в Москве и какими-то епархиями, либо же если само высшее церковное управление во главе с Патриархом «почему-либо прекратит свою деятельность», правящие архиереи этих

епархий могут организовать временные органы высшей церковной власти[5]. Проще говоря, постановление от 7(20) ноября 1920 г. предполагало, что в экстраординарных условиях войны или гонений на Церковь епархии могут временно перейти на *самоуправление*.

С точки зрения Зарубежной Церкви в 1927 г. имела место именно такая ситуация. Законный Местоблюститель находился в ссылке и не имел возможности исполнять свои обязанности. Легитимных органов высшего церковного управления в Советском Союзе (по мнению РПЦЗ) не существовало. При этом отсутствовала и регулярная связь между Москвой и зарубежной частью Русской Церкви. Потому РПЦЗ считала вполне допустимым и даже необходимым существование заграничных органов церковного управления. Зарубежные архиереи были готовы дать ответ о своих действиях, но только перед свободно созванным Собором Русской Церкви. До того же времени, пока не появится возможность созвать такой Собор, РПЦЗ считала себя находящейся в состоянии «самоуправления».

Особо подчеркнем, что РПЦЗ не провозглашала себя автокефальной Церковью и не делала заявлений об отделении от Русской Церкви как таковой. Речь шла о *вынужденном разрыве общения с церковной властью в Москве*, которую за рубежом считали нелегитимной. Предполагалось, что такое «самоуправление» РПЦЗ продлится до тех пор, пока в России не будет свергнут большевистский режим. Кроме того, РПЦЗ всегда подчеркивала, что сохраняет связь с «правой оппозицией» (т.е. оппонентами митр. Сергия из числа епископов и духовенства, находившихся в СССР и подвергавшихся гонениям). За рубежом считали, что именно представители «правой оппозиции» являются подлинным голосом гонимой Русской Церкви.

Нужно также отметить, что со стороны Священного Синода, возглавлявшегося митр. Сергием, в адрес РПЦЗ не последовало каких-то более строгих наказаний. Более того, как было указано, запрещению подвергся не весь зарубежный епископат, а лишь восемь иерархов РПЦЗ. Никаких лишений священного сана, а тем более анафем по отношению к зарубежным иерархам не было.

Канонические прещения, наложенные на зарубежных иерархов Московским Синодом, не были признаны другими Поместными Церквами, которые и в будущем сохраняли евхаристическое общение с русскими епископами-эмигрантами. Особую поддержку РПЦЗ традиционно оказывала Сербская Церковь, на территории которой действовали высшие органы управления Зарубежной Церкви.

Хотя воссоединение РПЦЗ с Московским Патриархатом произошло лишь в 2007 г., однако и до

этого времени были случаи возвращения в юрисдикцию Московской патриархии епископов РПЦЗ. В частности, в 1945 г. с Московским Патриархатом воссоединилось сразу несколько иерархов РПЦЗ: митрополит Мелетий (Заборовский), архиепископы Нестор (Анисимов) и Димитрий (Вознесенский), епископы Ювеналий (Килин) и Виктор (Святин). Владыки Димитрий, Ювеналий и Виктор были рукоположены в епископский сан в РПЦЗ в 1930-е гг. т.е. их хиротонии были совершены без санкции из Москвы. Тем не менее, к законности их рукоположений Московский Патриархат претензий не высказывал. Все они были приняты в общение в сущем сане. Митр. Мелетий, хотя и был рукоположен в епископа еще до революции, но в сан митрополита был возведен в 1939 г. по решению Архиерейского Синода РПЦЗ[6]. Он был принят в общение с Московским Патриархатом как митрополит. Таким образом, в 1945 г. решения РПЦЗ о епископских хиротониях и о возведении иерархов в сан митрополитов по умолчанию были признаны в Московском Патриархате.

Несмотря на то, что разрыв и административного, и молитвенного общения между РПЦЗ и Московским Патриархатом сохранялся более 70 лет, всё же Зарубежная Церковь всегда настаивала, что является частью Русской Церкви. Например, в принятом в 1956 г. Положении о Русской Православной Церкви Заграницей указывалось, что РПЦЗ – это «неразрывная часть поместной Российской Православной Церкви, временно самоуправляющаяся на соборных началах до упразднения в России безбожной власти». В качестве основания для самоуправления в Положении указано Постановление Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 7(20) ноября 1920 г. (№ 362)[7].

Важно подчеркнуть, что ни РПЦЗ, ни Московский Патриархат не принимали официальных решений о непризнании таинств друг друга. Хотя РПЦЗ и приняла в 1931 г. решение о разрыве молитвенного общения с митр. Сергием, тем не менее в последующие годы священники, которые служили в юрисдикции Московской патриархии, принимались в юрисдикцию РПЦЗ без перерукоположения. В 1938 г. Архиерейский Собор РПЦЗ под председательством митр. Анастасия (Грибановского) обсуждал вопрос о возможности сослужения с духовенством Московского Патриархата. В результате было принято решение, что «грех митрополита Сергия не простирается на подведомственное ему духовенство». Потому Синод пришел к выводу, что «не имеется препятствий к молитвенному общению и сослужению с духовенством митрополита Сергия»[8].

Заявления отдельных представителей как РПЦЗ, так и РПЦ о безблагодатности таинств друг друга всегда расценивались как ошибочные. Например, в декабре 1997 г. в совместном заявлении участников девятого собеседования между представителями Московского Патриархата и клириками Берлинской епархии Русской Зарубежной Церкви отмечалось: «Мы согласны в том и отмечаем, что благодатность таинств, священства и церковной жизни не должна ставиться под

вопрос... Если в настоящий момент нет евхаристического общения клира Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви, то этим не утверждается “безблагодатность” другой стороны»[9].

Таким образом, причины разрыва отношений между Московским Патриархатом и РПЦЗ имели *исключительно политический характер*. Это всегда хорошо понимали обе стороны. Так, в 2003 г. Святейший Патриарх Алексий, обращаясь в Москве к делегации РПЦЗ, говорил: «С падением коммунистического режима и установлением религиозной свободы в России появились предпосылки для того, чтобы начать путь к единению»[10]. То есть единственной причиной отсутствия единства Патриарх Алексий считал наличие в России коммунистического режима. После завершения в истории России коммунистического периода естественным образом началось постепенное сближение между РПЦЗ и Московским Патриархатом.

Важным фактором, повлиявшим на взаимоотношения между Московским Патриархатом и РПЦЗ, было почитание новомучеников и исповедников XX в. В РПЦЗ канонизация новомучеников и исповедников состоялась еще в 1981 г. В Московском же Патриархате прославление новомучеников стало возможным лишь с конца 1980-х гг. Так, в 1989 г. был причислен к лику исповедников святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси. В 1990-е гг. активно велась работа по канонизации и иных новомучеников и исповедников. 26 декабря 1995 г. Священный Синод Русской Православной Церкви принял документ «Историко-канонические критерии в вопросе о канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века»[11]. В этом важном документе призналась возможность канонизация в лике святых тех иерархов и священников, которые в 1920-30-е гг. отказались повиноваться митр. Сергию и не считали его законным первоиерархом Русской Церкви. Это позволило причислить к лику святых таких последовательных критиков митр. Сергия, как, например, митрополит Казанский Кирилл (Смирнов). При этом РПЦЗ еще с конца 1920-х гг. была солидарна с позицией св. Кирилла (Смирнова), высказанной в полемике с митр. Сергием.

Всё это подготовило почву для преодоления разделения. 17 мая 2007 г. в Москве был подписан Акт о каноническом общении между Русской Православной Церковью и Русской Православной Церковью Заграницей. Этим актом восстанавливалось «каноническое общение внутри Поместной Русской Православной Церкви». В документе специально подчеркивалось, что все «ранее изданные акты, препятствовавшие полноте канонического общения, признаются недействительными либо утратившими силу». С момента подписания Акта о каноническом общении РПЦЗ стала самоуправляемой частью Московского Патриархата, сохранив свою особую высшую духовную, законодательную, административную, судебную и контролирующую власть в лице Зарубежного Архиерейского Собора[12].

Даже столь беглое рассмотрение конфликта между РПЦЗ и Московским Патриархатом, позволяет сделать вывод о его существенном отличии от украинских церковных расколов рубежа XX-XXI вв. Подытожим сначала то, что было сказано о специфике конфликта между РПЦЗ и Московской патриархией.

Прежде всего, разрыв отношений между РПЦЗ и Московским Патриархатом был обусловлен *политическими причинами*. Иерархи Русской Церкви, вынужденно оказавшиеся в эмиграции и не являвшиеся гражданами Советского Союза, считали своим долгом публично выступать против большевизма и свидетельствовать перед мировым сообществом об антихристианской сущности режима, воцарившегося на территории бывшей Российской империи.

Если при жизни Московского Патриарха Тихона, несмотря на все сложности, связь между РПЦЗ и Московской патриархией сохранялась, то после его смерти ситуация заметно ухудшилась. Главным камнем преткновения стала Декларация митр. Сергия о лояльности советской власти. Именно после нее РПЦЗ, не желая брать на себя обязательства лояльности советскому правительству, разорвала сначала административную, а затем и молитвенную связь с Московской патриархией. При этом РПЦЗ *никогда не провозглашала себя автокефальной Церковью* и последовательно настаивала, что *остается частью Русской Церкви* и готова будет к восстановлению общения с Московской патриархией после падения советской власти. Таким образом, конфликт между РПЦЗ и Московской патриархией – это конфликт *внутри* Русской Церкви.

Митр. Сергей (Страгородский) после того, как РПЦЗ отказалась подчиняться его власти неоднократно называл её раскольничьей организацией. При этом руководимый им Синод наложил запрет в служении лишь на восьмерых иерархов РПЦЗ. Решений о лишении сана епископата РПЦЗ, а тем более об отлучении их от Церкви или наложении на них анафем, в Москве никогда не принимали. Также Московский Патриархат не отвергал законности хиротоний, совершаемых в РПЦЗ. В случае присоединения к Московскому Патриархату, епископы РПЦЗ принимались в сущем сане. Также за ними признавался именно тот сан, который им был усвоен в РПЦЗ.

В свою очередь и Зарубежная Церковь не отвергала благодатности таинств, совершаемых в Московском Патриархате и принимала в свой состав клириков Московского Патриархата без повторения над ними хиротоний.

Само название Акта, подписанного в Москве в 2007 г., свидетельствует о том, что примирившиеся стороны рассматривали многолетнее разделение как конфликт внутри Русской Православной Церкви. Потому произошедшее в 2007 г. событие было названо *восстановлением канонического общения между двумя частями Русской Церкви*.

Теперь укажем на основные принципиальные отличия этого конфликта от церковных расколов в Украине.

Во-первых, церковные разделения в Украине в конце 1980-1990-е гг. были связаны с самочинными провозглашениями автокефалии, т.е. с отделением от церковного общения епископов, духовенства и мирян. Сторонники как УАПЦ, так и УПЦ КП принципиально настаивали на разрыве отношений с Русской Церковью и о провозглашении автокефалии без согласия на это как Русской Церкви, так и других Поместных Церквей. Как мы видели, РПЦЗ никогда не заявляла о своей автокефальности, настаивая, что остается частью Русской Церкви, вынужденно находящейся в состоянии «самоуправления».

Во-вторых, на клириков, уклонившихся в раскол в Украине, накладывались разные канонические наказания: запрещения в служении, лишения сана, а по отношению к бывшему Киевскому митрополиту Филарету (Денисенко) была применена высшая мера церковного наказания – отлучение (анафема). Но епископов и клириков РПЦЗ Московский Патриархат никогда не лишал сана и от Церкви не отлучал.

Сегодня уже документально доказано, что апостольское преемство епископских хиротоний в УАПЦ сохранено не было. Истоком для иерархии УАПЦ стало рукоположение, совершенное 31 марта 1990 г. лишенным священного сана и монашества бывшим епископом Иоанном (Боднарчуком) и самозванным «епископом» Викентием Чекалиным (на самом деле он никогда не имел епископского сана, а был лишь диаконом, но на момент совершения указанной «хиротонии», он уже был лишен и диаконского сана)[13]. Потому в Русской Православной Церкви никогда не признавалась законность хиротоний, совершавшихся в УАПЦ. Над принимавшимися из УАПЦ «епископами» всегда совершались законные рукоположения.

Ситуация в УПЦ КП имела свою специфику. Митр. Филарет имел законное рукоположение, но после уклонения в раскол он сначала был лишен сана (в 1992 г.), а затем и отлучен от Церкви (в 1997 г.). Потому все епископские хиротонии, возглавлявшиеся бывшим митр. Филаретом после извержения его из сана, считались незаконными. Иерархи, рукоположенные в УПЦ КП,

принимались в общение также через совершение законных хиротоний.

И здесь мы вновь видим радикальное отличие от ситуации, сложившейся во взаимоотношениях между Московским Патриархатом и РПЦЗ. Как показано выше, несмотря на разрыв отношений, стороны не отвергали законности рукоположений друг друга. Архиереи, рукоположенные в РПЦЗ, принимались в Московский Патриархат в сущем сане. За ними признавались те священные степени, которые они получили в РПЦЗ. Потому и в 2007 г. восстановление общения произошло без совершения повторных хиротоний.

В-третьих, все канонические наказания, наложенные на иерархов и клириков УПЦ КП и УАПЦ Русской Православной Церковью, были признаны во всех Поместных Православных Церквях. Ни УАПЦ, ни УПЦ КП не имели евхаристического общения ни с одной из Поместных Церквей.

Ситуация с РПЦЗ была совершенно иной. Канонические прещения, наложенные на зарубежных епископов Священным Синодом во главе с митр. Сергием, не были признаны другими Поместными Церквями. Например, Сербский Патриарх Варнава уже в 1934 г. прямо писал митр. Сергию, что считает эти наказания незаконными[14]. Потому Зарубежный Синод продолжал действовать в Сремских Карловцах, сохраняя над собой покровительство Сербской Церкви. Архиереи-эмигранты находились в общении и с другими Поместными Церквями.

Всё это показывает глубокую некорректность аналогий, проводимых между Актом о восстановлении канонического общения 2007 г. и проблемой уврачевания церковных расколов в Украине. Потому неудивительно, что уже в 2008 г. Священный Синод Украинской Православной Церкви заявил о невозможности рассматривать возобновление общения между РПЦЗ и Московским Патриархатом в качестве модели для преодоления церковных расколов в Украине[15].

Составители послания УПЦ КП, утверждавшие в 2007 г., что отношение Московского Патриархата к РПЦЗ было тождественным его отношению к УПЦ КП, лишь показали свою неосведомленность в этом вопросе. Отношение было принципиально иным. Потому и восстановление общения шло путем, который неприменим к ситуации в Украине.

Видимо, такой же неосведомленностью нужно объяснить и ссылку на ситуацию с РПЦЗ, содержащуюся в письме Патриарха Варфоломея к Архиепископу Анастасию от 20 февраля 2019 г. Потому неудивительно, что архиепископ Анастасий в ответном письме патриарху Варфоломею

от 21 марта 2019 г. писал: «Украинский вопрос не имеет никаких аналогий с РПЦЗ. Этот случай касается отсечения проживающих в диаспоре русских от Русской Церкви, находившейся под советским надзором. Здесь не было ни отлучений от Церкви, ни анафем, и апостольское преемство не ставилось под сомнение. А когда пал атеистический режим, состоялось воссоединение»[16].

В этих кратких словах Предстоятеля Албанской Церкви дана довольно точная оценка отличий украинской ситуации от конфликта между РПЦЗ и Московским Патриархатом.

[1] Греческий оригинал: Απάντηση Οικουμενικού Πατριάρχη στον Αρχιεπίσκοπο Αλβανίας. [Электронный ресурс:] <https://www.romfea.gr/epikairotita-xronika/27436-apantisi-oikoumenikou-patriarxi-ston-arxiepiskopo-a....> Русский перевод: Ответ Патриарха Варфоломея предстоятелю Албанской Церкви по поводу автокефалии ПЦУ. [Электронный ресурс:] <https://credo.press/223362/>.

[2] Звернення Священного Синоду та єпископату УПЦ КП до архієреїв, духовенства та вірних Української Православної Церкви (в складі Московського Патріархату) [від 14.12.2007]. [Электронный ресурс:] http://arhiv.orthodoxy.org.ua/uk/mejkonfessionalnyy_dialog/2007/12/21/13012.html.

[3] Відповідь Священного Синоду Української Православної Церкви на «Звернення Священного Синоду та єпископату УПЦ КП до архієреїв, духовенства та вірних Української Православної Церкви (в складі Московського Патріархату)» від 14 грудня 2007 року. 16.07.2008. [Электронный ресурс:] <http://orthodox.org.ua/article/v%D1%96dpov%D1%96d-svyashchennogo-sinodu-ukra%D1%97nsko%D1%97-pravosl....>

[4] См., например: *Троицкий С. В.* Размежевание или раскол. Paris: YMCA-Press, 1932. 150 с.; Он же. О неправде Карловацкого раскола: Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положения высшей церковной власти в СССР и за границей». М., 1992. 127,[1] с.; Он же. История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. № 8. М., 2001. С. 18-68; *Митрофанов Г., свящ.* Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920-1927 гг. СПб., 1995. 144 с.; *Вениамин (Федченков), митр.* Раскол или единство // Церковно-исторический вестник. № 4-5. М., 1998. С. 5-139; *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. 398 с.; Он же. Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской

церковной властью. М., 2011. 624 с.; Законодательство Русской Православной Церкви Заграницей: (1921-2007) / Сост. Д. П. Анашкин. М., 2014. 620 с.; *Русак В.* Зарубежная Церковь XX век. Джорданвилль – Карлсбад – Москва – Чикаго, 2017. Т. 1. 633 с.; Т. 2. 661 с.

[5] Документ полностью опубликован в: *Митрофанов Г., свящ.* Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920-1927 гг. СПб., 1995. С. 86-88.

[6] Подробнее см: Доклад епископа Елевферия (Воронцова) и священника Григория Разумовского о пребывании в Маньчжурии в 1945 году / [Публ., вступ. ст. и примеч. О. В. Косик] // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. № 2(23). С. 131-153.

[7] См.: Законодательство Русской Православной Церкви Заграницей (1921-2007) / Сост. Д. П. Анашкин. М., 2014. С. 489.

[8] Цит. по: *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 408.

[9] См.: Законодательство Русской Православной Церкви Заграницей (1921-2007). С. 233.

[10] Члены делегации Русской Зарубежной Церкви молились за Патриаршим богослужением в Архангельском соборе Кремля. 21.11.2003. [Электронный ресурс:] <https://mospat.ru/ru/news/82678/>.

[11] Документ опубликован в: Журнал Московской Патриархии. 1996. № 2. С. 53-59

[12] Документ опубликован в: Законодательство Русской Православной Церкви Заграницей (1921-2007). С. 508-510.

[13] Подробнее см.: *Шумило С. В.* Самозванный «епископ» Викентий Чекалин и его участие в первых хиротониях УАПЦ в 1990 г. // Труды КДА. № 31. К., 2019. С. 240-273.

[14] См., например, письмо патр. Варнавы митр. Сергию от 6.01.1934. Опубликовано в: *Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925-1938 гг. С. 535-541.

[15] Відповідь Священного Синоду Української Православної Церкви на «Звернення Священного Синоду та єпископату УПЦ КП до архієреїв, духовенства та вірних Української Православної

Церкви (в складі Московського Патріархату)» від 14 грудня 2007 року. 16.07.2008. [Електронний ресурс:]

<http://orthodox.org.ua/article/v%D1%96dpov%D1%96d-svyashchennogo-sinodu-ukra%D1%97nsko%D1%97-pravosl....>

[16] Греческий оригинал: Περί του Ουκρανικού ζητήματος. 2α απόκριση αληθεύοντες εν αγάπη.

[Електронний ресурс:] **<https://www.romfea.gr/epikairota-xronika/27885-peri-tou-oukranikou-zitimatos-2a-apokrisi-alitheuon....>** Русский перевод: Письмо Блаженнейшего Архиепископа

Тиранского и всей Албании Анастасия Патриарху Константинопольскому Варфоломею от 21 марта 2019 года. [Електронний ресурс:] **<http://www.patriarchia.ru/db/text/5403657.html>**.

Источник: <https://mospat.ru/ru/authors-analytics/89418/>